

— Ты с этим Се Синьцзянем... — Ли Синь дождался, пока юноша отойдёт, и въедливо посмотрел на брата. — Не слишком ли ты над ним трясёшься?

Ли Вэньсю ответил с абсолютным спокойствием:

— Нам скоро вместе сниматься. Разве это не естественная забота?

Ли Синь лишь сокрушённо покачал головой:

— Ну-ну. Корчи из себя дурачка дальше.

Вэньсю отмахнулся и повернулся, собираясь уйти.

— Старец Ло в прошлом месяце вернулся в страну, — донёсся ему в спину голос Ли Синя. — Наверняка захочет с вами встретиться.

Застыв на мгновение, Ли Вэньсю бросил короткое «понял» и пошёл дальше.

Через неделю Се Синьцзянь получил от своего менеджера приглашение на встречу с режиссёром Ло Юаньцзе.

Узнав на банкете по случаю окончания съёмок о предстоящей работе, Синьцзянь сразу по возвращении домой пересмотрел всю фильмографию мэтра. Одним просмотром он не ограничился: засел за рецензии, разыскал подробные разборы лекций от преподавателей Академии кинематографии.

Ещё в годы учёбы Синьцзянь отличался цепким умом, и, даже сменив профессию, подошёл к делу как круглый отличник — быстро и детально разобрал авторский почерк Ло Юаньцзе. И чем глубже он погружался в его картины, тем сильнее становился трепет.

За прошедшие десятилетия Ло Юаньцзе собрал урожай высших наград на ведущих мировых кинофестивалях, а затем стал заслуженным профессором, превратившись в поистине монументальную фигуру в истории кино. И такой человек лично выбрал его на роль.

Синьцзяня захлестнуло воодушевление — яркое, подстёгивающее, которое держало его в тонусе вплоть до самого дня встречи.

Отечественные режиссёры любили устраивать долгие обсуждения: собирали вместе продюсеров, инвесторов и ключевых актёров, доводя концепцию до ума ещё до того, как

оформить сценарий. Синьцзянь думал, что Ло Юаньцзе поступит так же, но мэтр просто пригласил его и Ли Вэньсю к себе домой.

Причём дом его располагался далеко за пределами Цзинши — у самого подножия гор.

Пейзаж за окном становился всё более глухим и пустынным, и вместе с удивлением у Синьцзяня рождалось смутное беспокойство.

— Не нервничай. Старец Ло — человек душевный, он просто позвал нас в гости, — отозвался Ли Вэньсю.

Поскольку поездка носила полуприватный характер, ассистентов брать не стали: Ли Вэньсю сам сидел за рулём, уверенно ведя чёрный «Гелендваген» по узким пригородным дорогам. Раньше они уже работали с Ло Юаньцзе над одним фильмом, и именно та роль принесла Вэньсю его самую весомую статуэтку за лучшую мужскую роль.

Заметив, как притих Синьцзянь, Ли Вэньсю мягко успокоил его.

Синьцзянь немного перевёл дух и с любопытством спросил:

— Ты тоже ещё не видел сценария?

— Нет, — качнул головой Вэньсю. — Но, насколько я знаю, Ло сам его написал.

Сценарий за авторством самого Ло Юаньцзе? Предвкушение Синьцзяня разгорелось с новой силой.

Час спустя автомобиль наконец остановился у цели. Небольшой усадебный дворик ютился у самого подножия Великой стены. Сама постройка выглядела скромно — аккуратный трёхэтажный дом из белого камня. Во дворе возвышалась раскидистая акация; в самый разгар цветения её ветви гнулись под тяжестью пышных кистей белых бутонов, над которыми кружили пчёлы и бабочки. Рядом зеленела небольшая грядка со свежей зеленью и пряными травами.

Заметив подъезжающую машину из окна второго этажа, Ло Юаньцзе вышел навстречу заранее.

Высокий и сухощавый, он был одет в простой тёмно-коричневый кушак в традиционном стиле. В его облике читалась исконно китайская утончённая интеллигентность. Завидев гостей, он мягко улыбнулся.

Несмотря на мировую славу и бесчисленные регалии, во взгляде Ло Юаньцзе не было и тени высокомерия или оценивающей холодности. Напротив, он смотрел на них с теплотой

заботливого старшего.

Синьцянь мгновенно проникся симпатией к этому человеку. Чуть смущаясь, он подошёл ближе и первым протянул руку:

— Здравствуйте, режиссёр Ло. Я Се Синьцянь.

— Спасибо, что приехал, — Ло Юаньцзе пожал его ладонь — сухую и шершавую. — Дорога неблизкая, устал, небось? Проходи в дом, выпьем чаю.

Синьцянь благодарно кивнул.

С Ли Вэньсю режиссёр поздоровался без лишних церемоний, лишь бросив короткое:

— Давно не виделись.

Лица Вэньсю не покинуло привычное спокойствие, но по едва уловимой мягкости во взгляде Синьцянь понял: они в тёплых отношениях.

В начале мая в Цзинши уже господствовало лето; по ночам Синьцянь даже включал кондиционер. Но здесь, несмотря на открытые окна, жара совершенно не ощущалась. Изнутри дом казался простым, однако каждая деталь интерьера была подобрана с безупречным вкусом.

— Мы построили этот дом с моей половинкой больше двадцати лет назад, — пояснил Ло Юаньцзе, уловив любопытный взгляд юноши. — Потом работа захлестнула, пришлось перебраться за границу, так что за усадьбой присматривали чужие люди. Вернулись мы сюда только пару месяцев назад.

«С половинкой?»

В публичных источниках утверждалось, что Ло Юаньцзе всю жизнь был холостяком. Неужели у него есть спутник жизни? Не расписаны? Или просто скрывали отношения?

Вопрос касался глубоко личной сферы, поэтому Синьцянь не стал расспрашивать и лишь вежливо кивнул, внимательно слушая дальше.

— На первом этаже у нас гостиная, кухня и чайная, — продолжал режиссёр. — На втором — мастерская, а спальни на третьем. Там же есть небольшая терраса. Свет от города сюда почти не долетает, так что по ночам видно потрясающее звёздное небо. Если захотите, оставайтесь на ночь — полюбуемся.

— Остаться на ночь? — Синьцзянь невольно бросил взгляд на Ли Вэньсю. Об этом разговора не было. Или это просто вежливое приглашение?

Ли Вэньсю не дал прямого ответа, лишь заметил:

— Решим после обеда.

Синьцзянь мысленно перевёл дух. Хотя Ло Юаньцзе и располагал к себе, оставаться в чужом доме при первой же встрече казалось ему чрезмерной беспардонностью.

Обед Ло Юаньцзе готовил сам. Говядину он тушил с вечера, зелень сорвал прямо на грядке, а в качестве десерта приготовил мелкие домашние томаты.

Видя, как пожилой мужчина хлопочет у плиты, Синьцзянь почувствовал неловкость и, подойдя к кухне, поинтересовался, чем может помочь. В итоге его отправили накрывать на стол.

Если передний двор усадьбы был выложен бетоном, а из украшений там имелась только раскидистая акация, то за домом скрывался потрясающий сад.

Созданный с тонким чувством стиля, он поражал продуманной многоярусностью: пышная зелень образует строгий каркас, а в углу у каменной ограды буйствовала кустовая розовая роза. В лучах полуденного солнца её соцветия пылали, точно яркие языки заката.

Синьцзянь вместе с Ли Вэньсю вынесли стол на траву, расстелили скатерть, расставили приборы и стулья.

Подул свежий ветерок, и на свежепостеленную скатерть слетело несколько белых лепестков акации. Синьцзянь наклонился собрать их. Лепестки были мягкими, нежными и источали тонкий аромат. Выбрасывать их стало жалко, и он собрал их в ладонь.

Один цветущий бутон упал чуть дальше. Синьцзянь хотел сделать шаг, но чья-то рука опередила его.

Ли Вэньсю подошёл неслышно. На нём была простая белая рубашка; порыв ветра вздул её ткань, превратив в упругий парус.

Синьцзянь выпрямился и тихо поблагодарил.

— Пробовал когда-нибудь цветки акации? — спросил Вэньсю.

Синьцзянь опустил взгляд на белые лепестки в ладони и качнул головой:

— Нет, никогда.

Такая простая, сезонная еда всегда обходила его стороной.

— Хочешь попробовать?

Вспомнив цветущее дерево у входа, Синьцзянь воодушевился:

— А их можно есть?

— Ещё как, — Ли Вэньсю развернулся и направился к кухне. — Учитель Ло, можно сделать заказ?

— Чего изволите? — с улыбкой отозвался режиссёр.

— Акацию.

— Иди во двор, нарви кистей, — сказал Ло Юаньцзе. — А я замешаю кляр и обжарю их.

Ли Вэньсю отправился во двор. Синьцзяню не хотелось оставаться в стороне, и он поспешил за ним.

Акация оказалась высокой. Рост Вэньсю составлял метр восемьдесят шесть, но даже встать на цыпочки было недостаточно, чтобы дотянуться до нижних веток.

Оценив обстановку, Синьцзянь предложил:

— Давай я залезу.

— На дерево? — переспросил Вэньсю.

Синьцзянь кивнул.

— Опасно, — Вэньсю качнул головой. — Давай придумаем что-нибудь другое.

— Да ничего страшного! В школе я постоянно лазил через... — Синьцзянь осёкся на полуслове и тут же поправился: — Я часто лазил по деревьям. Оно только кажется высоким, а ветви у него удобные.

— А как же нога? Зажила?

Синьцянь замер, вспомнив про гусеницу, которая обожгла ему кожу.

— Давно зажила! — Он задрал штанину, демонстрируя ровную, чистую кожу. — Выглядело жутко, но прошло мгновенно.

Вэньсю опустил взгляд. Нога юноши была безупречно белой и гладкой, без малейшего следа.

Видя его непреклонность, Ли Вэньсю не стал спорить, лишь предостережёт:

— Только осторожно.

Синьцянь кивнул. В нём разыгрался юношеский азарт и желание блеснуть перед своим кумиром: едва Вэньсю договорил, юноша уже ловко взобрался на нижний сук.

Двигался он легко и грациозно, словно гибкая чёрная кошка, и уже через пару мгновений держал в руках пышную кисть акации.

Ли Вэньсю стоял внизу с небольшим бамбуковым лукошком и ловил падающие соцветия.

В этом году акация цвела особенно пышно — ветви гнулись под тяжестью белых гроздьев, так что Синьцянь быстро наполнил корзину.

— Хватит? — спросил он, высовываясь из густой листвы, но вместо ответа услышал сухой щелчок затвора.

Ло Юаньцзе непостижимым образом появился во дворе с фотоаппаратом в руках и направлял объектив прямо на них.

Заметив взгляд Синьцяня, режиссёр прищурился и с улыбкой спросил:

— Снимок хочешь?

Синьцянь замер. Несмотря на то что они с Ли Вэньсю вместе снимались в кино, у них не было ни одной личной совместной фотографии.

— Хочу, — честно признался он.

— Тогда посуда после обеда на тебе.

— Договорились! — Синьцзянь мгновенно согласился, посчитав обмен более чем выгодным.

Обедали в саду. В тени кроны веял прохладный ветерок, смешивая ароматы сытных блюд с нежным благоуханием роз. Обжаренные в кляре цветки акации по вкусу напоминали хрустящую темпуру, и Синьцзянь ел с искренним наслаждением.

Окончив трапезу, он, как и обещал, отправился на кухню мыть посуду. В разгар работы зашёл Ли Вэньсю. Синьцзянь решил, что тот просто пришёл за водой, и не придавал этому значения, пока Вэньсю не подошёл к раковине и не закатал рукава белой рубашки, обнажая сильные, мускулистые предплечья.

— Не пачкай руки, я сам справлюсь, — Синьцзянь попытался оттеснить его локтем.

— Я буду вытирать, — упрямо ответил Вэньсю, забирая себе половину пространства у раковины. В руках он держал сухое полотенце: стоило Синьцзяню сполоснуть тарелку, как Вэньсю тут же подхватывал её и вытирал насухо.

Сначала Синьцзянь выкладывал чистую посуду на столешницу, откуда её забирал Вэньсю. Но то ли Вэньсю работал быстрее, то ли просто приспособился, но вскоре его ладонь уже зависала в воздухе, едва Синьцзянь заканчивал мыть очередную пиалу.

Синьцзянь на секунду замешкался, а затем стал передавать посуду прямо ему в руки.

Вэньсю с невозмутимым видом принимал тарелки, вытирал и аккуратно укладывал в сушильный шкаф по размеру.

Синьцзянь мельком посмотрел на него: изящные длинные пальцы Ли Вэньсю превращали даже такое банальное занятие, как протирание посуды, в эстетичное зрелище.

Опасаясь быть застигнутым за разглядыванием, юноша быстро отвёл взгляд.

Только вот отчего-то кончики его ушей мгновенно вспыхнули.

Закончив с уборкой, Синьцзянь залпом выпил полбутылки охлаждённой газировки, пытаясь сбить накативший жар.

В саду Ло Юаньцзе уже манил его посмотреть на готовый кадр.

Чутьё профессионального режиссёра не подвело: композиция, свет и ракурс были безупречны.

Под лазурным небом буйствовала белыми гроздьями акация; силуэт юноши терялся в густой

кроне, а Ли Вэньсю стоял у ствола, запрокинув голову. В его чертах читалась едва уловимая, тёплая улыбка.

Глядя на выражение лица Вэньсю на снимке, Синьцзянь вновь почувствовал, как к щекам приливает обжигающая волна.

Он украдкой бросил взгляд на мужчину и тут же смущённо отвернулся, судорожно сжимая ледяную бутылку и слегка приоткрыв губы, будто спасаясь от душного зноя.

— Жарко? — тихо спросил Ли Вэньсю.

— Вовсе нет, — качнул головой Синьцзянь и сухо добавил: — Просто солнце немного припекает.

Их разделяло расстояние буквально в шаг. В том месте, где они стояли, крона прореживалась, и сквозь листву пробивался солнечный луч, отбрасывая яркое пятно прямо на руку юноши. Кожа под ним казалась ослепительно белой, гладкой и нежной.

— Пересядь сюда, в тень, — Вэньсю отвёл взгляд и указал на место рядом с собой.

Помявшись мгновение, Синьцзянь пересел.

Прямые лучи сюда действительно не проникали, но лицо почему-то запылало ещё сильнее.

Синьцзянь мысленно со злостью воззрился на небо. Чёртова погода! Начало мая, а жара стоит невыносимая — что же будет в июле?

<http://bllate.org/book/19727/1946755>